

НОЧНЫЕ ЧАСТОТЫ

The.Feer

The.Feer The.Feer

Ночные частоты

<https://litres.ru/74426287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старая квартира на четвёртом этаже без лифта. Чайник, который каждую ночь кипит одинаково. Слепнувшая собака, равнодушный чёрный кот и синий свет экрана, который не гаснет никогда. «Ночные частоты» - тихая повесть о бессоннице, привязанности и о том, как человек ищет себя между своим двором и чужим, слишком ярким миром, льющимся с телевизора.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Всё как обычно	6
Глава вторая. Свет, который не гаснет	9
Глава третья. Жучка	12
Глава четвёртая. Чёрный кот с чужого двора	15
Глава пятая. Ночь, когда что-то не поделили	17
Глава шестая. Утро у ветеринара	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

The.Feer

Ночные частоты

Пролог

Есть такой звук, который ни с чем не спутаешь: тихое ворчание воды в чайнике за секунду до того, как она решится закипеть по-настоящему. Сначала - почти тишина, только гудение спирали где-то внутри металла. Потом - первые пугающие, робкие, будто вода сама не уверена, стоит ли. И только потом - ровный, уверенный рокот, тот самый, который будит квартиру лучше любого будильника. Я слышал этот звук тысячу раз. Может, две тысячи. Я мог бы, наверное, посчитать точно, если бы вёл дневник бессонных ночей - но я не веду. Я просто открываю глаза в темноте, которая давно перестала быть пугающей и стала просто фоном, привычной декорацией моей комнаты, и иду на кухню ставить чайник, потому что руки помнят этот путь лучше, чем голова помнит, зачем вообще вставать. Меня зовут, а, впрочем, неважно, как меня зовут. В этом городе, в этом доме, в этой квартире на четвёртом этаже без лифта моё имя давно стёрлось до функции: тот, кто кормит собаку, тот, кто не спит, тот, кто смотрит в окно дольше, чем это делают нормальные люди. Жучка знает моё имя лучше меня самого - она произносит

его хвостом, а не языком, и в этом смысле она честнее любого человека, которого я когда-либо знал. Квартира досталась мне от бабки. Я рад, что окно выходит во двор, а не на проспект, за это я всегда буду ей благодарен. Проспектные окна показывают людям вечное движение: машины, спешащих прохожих, огни, которые никогда не гаснут полностью. Дворовые окна показывают жизнь медленнее - с паузами, с повторами, с тем ощущением, что за годом идёт год, а не просто дата на календаре. Я вырос в этом доме, уехал ненадолго, когда мне казалось, что где-то в другом месте жизнь будет устроена лучше, а потом вернулся. Эти записи - не совсем история. Скорее, попытка удержать несколько ночей, которые иначе растворились бы в остальных, неотличимые друг от друга, как капли одного и того же дождя. Ночей, когда чайник кипел, окно было открыто, а на экране почти всегда оказывалось одно и то же: чужой, слишком яркий.

Глава первая. Всё как обычно

Утро - если это можно назвать утром, ведь у человека с моим расписанием утро наступает не по часам, а по ощущению, - начиналось с открытого окна. Я не любил спёртый воздух квартиры, в которой прожил столько лет, что стены, кажется, начали дышать в такт со мной. Открывал окно, и в комнату вползал город: сначала запах - сырой асфальт, немного бензина, немного мокрой листвы, в зависимости от сезона, - а потом уже звук. Двор внизу был устроен просто, без затей, как и большинство дворов в этой части города. Аптека на углу, с выцветшей вывеской, буквы которой давно потеряли половину неоновое свечение и теперь складывались в слово наполовину, будто аптека стеснялась собственного названия. Рядом - скверик: три скамейки, облупленная беседка, тополя, которые каждую весну засыпали асфальт пухом, будто город изображал зиму назло календарю. Я знал этот вид наизусть. Знал, в какое время бабушки выходят посидеть на скамейках с внуками, знал, когда приезжает машина, привозящая товар в аптеку - обычно к девяти, водитель всегда паркуется криво, будто нарочно проверяя терпение дворника. Знал даже голос дворника - хриплый, простуженный круглый год, - который переругивался с местными подростками из-за окурков у беседки, а потом, не дожидаясь извинений, просто сметал окурки в совок. По утрам в аптеку

заходили одни и те же люди в одно и то же время, будто следовали расписанию электрички. Первой - женщина в синем плаще, лет шестидесяти, за каким-то лекарством для мужа, который, кажется, никогда не выздоравливал полностью, но и не умирал - просто существовал в состоянии вечного недомогания. Потом - молодая мать с коляской, каждый раз с одним и тем же полусонным, взмокшим лицом. Я наблюдал за ними из окна с той степенью внимания, которая свойственна людям, у которых слишком много свободного времени и слишком мало событий, чтобы его заполнить. Это был не самый красивый пейзаж на свете. Но он был моим, в том смысле, в каком человек может назвать своим что-то, на что смотрел столько раз, что перестал видеть - и начал чувствовать. Именно там, во дворе, я впервые увидел Жучку - тогда ещё щенка, тощего, дрожащего, забившегося под лавку возле аптеки в дождливый октябрьский вечер. Кто-то выбросил её, как выбрасывают ненужную вещь, спутав живое существо с мусором. Я стоял у окна, курил и смотрел, как маленькое рыжевато-бурое существо пытается стать невидимым, вжимаясь в мокрый асфальт. Спустился. Не думал зачем, просто спустился, как спускаются за забытым на улице зонтом, не успев осознать, что решение уже принято. С тех пор минуло - не важно сколько лет. Достаточно, чтобы щенок стал старой, седеющей у морды собакой с мутнеющими от катаракты глазами и одышкой на лестнице. Достаточно, чтобы аптека сменила вывеску дважды, а скверик - один раз обновили,

положили новую плитку, которая уже через два года покрывалась теми же трещинами, что и старая, будто трещины были не дефектом, а неотъемлемым свойством этого конкретного места, которое возвращается, чем его ни покрывай. Всё как обычно, думал я тогда, закрывая окно. «Всё как обычно» - эта фраза стала для меня чем-то вроде молитвы, способом убедить себя, что мир снаружи не меняется быстрее, чем я успеваю к нему привыкнуть. Но, как и всякая молитва, она работала только до определённого часа. А после определённого часа наступала ночь - и вместе с ней приходило то, от чего никакое "всё как обычно" не спасало.

Глава вторая. Свет, который не гаснет

Ночной город - совсем другое существо, чем дневной. Днём он деловитый, шумный, полон людей, которым некогда смотреть по сторонам. Ночью он становится честнее: обнажает свои огни, свои тени, свою одинокую, почти животную природу. Я любил и одновременно немного боялся этого превращения - того часа, когда за окном гаснут окна соседей одно за другим, будто кто-то методично тушит свечи в огромном доме. Именно тогда я включал телевизор. Не потому, что хотел что-то конкретное увидеть. Скорее потому, что тишина квартиры без Жучкиного сопения и без гула холодильника становилась слишком плотной, почти осязаемой, и мне нужен был любой звук, любой свет, чтобы разбавить эту плотность. Пульт лежал на подлокотнике кресла - там, где и всегда, - и я нажимал кнопку, толком не глядя. Экран вспыхивал. И почти всегда - будто телевизор сам выбирал за меня, будто вселенная методично подсовывала мне одно и то же, - на экране оказывался тот самый канал. Слишком яркий для трёх часов ночи. Клипы, в которых пели на чужом языке о вещах, которые казались мне одновременно понятными и бесконечно далёкими. Ведущие с белозубыми улыбками, декорации, в которых не было ни одной знакомой детали - ни

одного двора, ни одной аптеки с полустёртой вывеской, ни одного скверика с облупленной беседкой. Помню, как в детстве телевизор был другим - тяжёлым, ламповым, с антенной, которую приходилось крутить, чтобы поймать хоть какое-то изображение сквозь снег помех. Тогда голос диктора казался главным голосом мира, а мультфильмы перед сном - единственным окном в другую реальность, окном, за которым тоже была своя, но понятная магия: волк, гоняющийся за зайцем по бесконечным локациям мультипликационного пространства, крокодил, живущий в телефонной будке, медвежонок, потерявший маму где-то в тайге. Тот телевизор грел комнату, как печка, - гудел, потрескивал, требовал заботы, как живое существо: его нужно было выключать за час до сна, иначе бабушка ворчала, что он "устанет". Этот, новый, - плоский, холодный, почти бесшумный - ничего не требовал. Он просто светил. Ровно, безостановочно, будто ему было всё равно, смотрю я или сплю, слушаю или заткнул уши руками. Он изливал в комнату чужие ритмы, чужие голоса, чужой смех, и я ловил себя на мысли, что этот свет как будто медленно перекрашивает мою комнату в какой-то новый, невиданный прежде цвет - не тёплый, не холодный, а просто чужой, синеватый, электрический, ничей. Иногда, впрочем, я ловил себя на том, что не могу оторваться от экрана вовсе не из отвращения, а из странного, почти постыдного восхищения - той лёгкостью, с которой на экране люди двигались, той свободой, с которой они, казалось, ничего не боялись и

ни у кого не спрашивали разрешения. Это восхищение и раздражало меня больше всего, потому что оно было честным, а честные чувства не поддаются простому осуждению. За окном в это время гасли последние окна дома напротив. Один за другим, будто соседи признавали поражение перед ночью и сдавались сну. А в моей комнате свет только разгорался и продолжал литься, пока я не проваливался в дремоту прямо в кресле, а будильник в телефоне не напоминал, что через несколько часов снова нужно будет открывать окно и делать вид, что ночи не было вовсе.

Глава третья. Жучка

Собаку я назвал Жучкой не из большой фантазии - просто это имя первым пришло на язык в тот дождливый вечер, когда я нёс дрожащий комок шерсти домой в рукаве куртки. Со временем имя приросло к ней настолько, что стало казаться единственно возможным, будто она родилась с этим именем, а не получила его от человека, который сам толком не знал, что делать с чужой жизнью на своих руках. Первые месяцы были трудными - щенок грыз всё, до чего мог дотянуться: угол стола, край ковра, шнур от торшера, который я едва успел выдернуть из розетки за секунду до катастрофы. Соседка снизу стучала в потолок шваброй, когда Жучка лаяла на грозу, а я, ещё молодой и вспыльчивый, злился на неё, а потом стыдился этой злости, глядя, как она виновато прижимает уши, не понимая, в чём провинилась. Мы учились друг другу медленно, как учатся жить вместе двое случайно оказавшихся под одной крышей людей - методом проб, ошибок и постепенно накапливающегося доверия. Жучка была преданной особой, беззастенчивой собачьей преданностью, которая не нуждается в объяснениях и не требует взаимности в человеческом смысле слова. Она встречала меня у двери, даже если я выходил на пять минут за хлебом. Она клала морду на колено, когда я слишком долго молчал, глядя в одну точку. Она не понимала слов, которые лились с экрана

телевизора, но чувствовала, кажется, моё настроение раньше меня самого - вставала и уходила в другую комнату, если музыка становилась слишком резкой, слишком чужой, слишком громкой для её старых ушей. Были у неё и свои маленькие привычки, которые я знал лучше, чем собственные: она никогда не ела сразу, сначала обходила миску по кругу, будто проверяя, не изменилось ли что-то со вчерашнего дня. Она боялась пылесоса и грозы одинаково сильно, забиваясь под кровать при первых же признаках того или другого. Она любила спать, уткнувшись носом в мой тапок, оставленный у кровати, - привычка, которую я так и не смог объяснить, но которая почему-то трогала меня больше многих человеческих признаний в любви. С возрастом она стала хуже видеть. Ветеринар - молодой, усталый мужчина в клинике через два квартала - говорил что-то про катаракту, про то, что операция возможна, но недешева и не гарантирует полного результата в её возрасте. Я кивал, слушал, откладывал деньги, откладывал решение, а Жучка тем временем училась ходить по квартире на память, полагаясь больше на нюх и слух, чем на подводящие глаза. Она стала осторожнее на лестнице, дольше принюхивалась перед тем, как спрыгнуть с кровати, но не потеряла ни капли той внутренней уверенности, с которой прожила рядом со мной столько лет: этот дом был её домом, и слепота не могла отнять у неё этого знания. По ночам, когда я не спал, она часто устраивалась у моих ног - не потому, что тоже страдала бессонницей, а просто потому,

что не хотела оставлять меня одного с тем светом, который лился с экрана. Иногда я гладил её по седеющей морде и думал о том, что она - последнее по-настоящему честное существо в моей жизни. Она не притворялась. Не улыбалась белозубой улыбкой, рассчитанной на камеру. Она просто была рядом. Именно поэтому то, что случилось с ней потом, ранило меня едва ли не сильнее, чем ранило бы что-то, случившееся со мной самим.

Глава четвёртая. Чёрный кот с чужого двора

Кот появился в моей жизни без объяснений, как появляется в доме сырость - незаметно, постепенно, а потом вдруг оказывается, что он был здесь всегда. Чёрный, с одним белым пятном на груди, похожим на неаккуратно застёгнутую рубашку, он начал приходить на мой подоконник поздней осенью - сидел там подолгу, глядя внутрь квартиры слегка презрительным взглядом, каким смотрят все уличные коты на домашний уют, к которому у них нет доступа. Я не собирался брать его к себе. У меня уже была Жучка, а собаки и кошки, как известно, не всегда уживаются мирно, особенно если один из них считает себя хозяином территории с рождения, а другой - с недавних пор. Но зима в тот год выдалась злой, ранней, с ледяным ветром, от которого дребезжали оконные рамы, и однажды утром я обнаружил чёрного кота, свернувшегося в комок в углу подъезда, у батареи, - то ли он сам нашёл этот угол, то ли кто-то из соседей его туда впустил и забыл. Я забрал его наверх. Не столько из милосердия, сколько из чувства, что оставить его умирать от холода было бы каким-то непоправимым предательством - не только по отношению к нему, а к чему-то более общему, к самому себе в детстве, когда я ещё верил, что животных

нельзя бросать. Жучка встретила его настороженно, с глухим ворчанием где-то в груди, но не агрессивно - скорее с достоинством старого хозяина дома, вынужденного потесниться. Кот не спешил благодарить. Он вообще не спешил ничего делать быстро - двигался по квартире с ленивой, изучающей неспешностью, будто оценивал имущество перед тем, как решить, оставаться ли здесь всерьёз. Первые недели он ел отдельно, спал отдельно, демонстративно игнорировал все попытки Жучки завязать хоть какое-то знакомство, обходя её по широкой дуге, будто она была не собакой, а лужей на асфальте, которую следует обойти, не запачкав лап. По ночам он часто садился на подоконник рядом с телевизором, и его глаза - жёлтые, узкие - отражали синий свет экрана двумя маленькими, холодными огоньками. Иногда мне казалось, что из всех троих обитателей квартиры именно кот чувствует себя в этом электрическом свете как дома - будто он и сам был соткан из той же ночной, равнодушной материи, что и картинка на экране: красивый, независимый, ничего никому не должный. Я не давал ему имени долго. Называл просто Котом, с большой буквы, как называют то, что ещё не решились приручить окончательно. Кажется, ему было всё равно - он откликался на любой звук одинаково неохотно, будто делал одолжение самым фактом своего присутствия в комнате.

Глава пятая. Ночь, когда что-то не поделили

Трудно сказать точно, из-за чего это случилось. Может быть, кот принял игривое приближение старой полуслепой собаки за угрозу. Может быть, Жучка, плохо видя в темноте, случайно наступила на что-то, что кот считал своим - миску, тень, полосу лунного света на полу, которую он, кажется, действительно защищал как территорию. А может быть, объяснить это невозможно вовсе, потому что не всякая беда нуждается в причине - иногда она просто случается, потому что два существа слишком долго делили одно пространство, слишком по-разному видя мир. Я не видел самого момента. Я сидел в кресле, полусонный, в том пограничном состоянии, когда веки тяжелеют, а телевизор продолжает бормотать что-то на фоне, и звук долетает до сознания уже не словами, а просто вибрацией. Услышал резкий, короткий скулёж, не лай, не рычание, а именно скулёж, тонкий, почти детский, и вскочил быстрее, чем успел проснуться до конца. Жучка стояла посреди комнаты, прижав уши, трясая головой, и из уголка её мутного, слепящего глаза текла тонкая струйка крови. Кот сидел в паре шагов, на комод, вызывая переднюю лапу с таким видом, будто ничего не произошло - будто это была не драка, а просто досадная случай-

ность, недоразумение, которое, по его мнению, не заслуживало дальнейшего внимания. Я до сих пор помню тяжесть этого зрелища физически - где-то под рёбрами, будто царапина досталась не собаке, а мне самому. Я взял Жучку на руки и понёс её к раковине, промывать глаз тёплой водой, шепча что-то бессвязное, то ли ей, то ли себе, пытаюсь унять дрожь в собственных руках. Она не вырывалась, не скулила больше, только смотрела на меня. Я промыл рану, посветил телефоном в её мутный глаз, пытаюсь разглядеть, насколько глубоко когти задели роговицу, и не находил в себе ни знаний, ни спокойствия, чтобы понять это наверняка. Утром, решил я, утром - к ветеринару, а сейчас просто нужно было держать её на руках и говорить любую ерунду тихим голосом, потому что тон, кажется, значил для неё больше, чем слова. Ей было больно - это было очевидно, без всякого перевода с собачьего на человеческий. И где-то в глубине этой боли, в её тонком, обиженном скулеже, мне слышалось что-то ещё, что-то более широкое, чем просто царапина от когтя. Как будто в этом маленьком, домашнем происшествии случилось что-то гораздо большее - то чувство, которое посещало меня по ночам перед светящимся экраном: ощущение, что нечто чужое, равнодушное, уверенное в своём праве занимать пространство, царапнуло то родное, привычное, беззащитное, что жило рядом со мной всю жизнь. Не знаю, было ли в этом сравнении хоть капля справедливости по отношению к коту - он ведь просто кот, он не выбирал себе сим-

волическую роль, он просто был собой, со своими кошачьими причинами и кошачьей логикой. Но человеку свойственно искать узоры даже там, где их, возможно, нет, особенно ночью, особенно когда единственный свет в квартире льётся с экрана, показывающего чужую, слишком уверенную в себе жизнь. Кот, тем временем, спрыгнул с комода, подошёл к миске с водой, попил неторопливо, будто в квартире не происходило ничего необычного, и вернулся на подоконник, где снова уселся, глядя на далёкие огни города жёлтыми глазами. Он не выглядел ни виноватым, ни довольным - просто существовал.

Глава шестая. Утро у ветеринара

Клиника открывалась в восемь, а я стоял у её дверей уже без десяти, с Жучкой на руках, завёрнутой в старое банное полотенце, будто это могло защитить её от чего-то большего, чем утренний холод. Молодой ветеринар осмотрел глаз внимательно, посветил маленьким фонариком, поводил пальцем перед её мордой, проверяя реакцию. «Царапина неглубокая, - сказал он наконец, снимая перчатки. - Роговицу не задело всерьёз, зрение, и без того слабое, не пострадает сильнее, чем было. Пропишу капли, недели на две, и всё заживёт». Я кивнул, чувствуя, как отпускает что-то в груди, туго сжатое с ночи. Вернулись домой пешком - Жучка шла медленно, приносясь к каждому фонарному столбу, будто хотела убедиться, что мир снаружи никуда не делся за эту тревожную ночь. Аптека на углу уже открылась, женщина в синем плаще как раз выходила оттуда с белым пакетиком в руке, и вид этой обыденной, ничем не примечательной сцены вдруг показался мне почти чудом - доказательством того, что жизнь продолжается по своим привычным законам, что бы ни творилось ночью в моей квартире. Дома кот встретил нас у двери - редкий жест с его стороны, - обнюхал Жучку издали, коротко, без интереса, и удалился на подоконник. Я не знал, было ли это извинением на кошачьем языке или просто совпадением, случайным маршрутом животного, у которого

свои, недоступные мне резоны. Но в тот момент мне хотелось верить, что это был хотя бы намёк на извинение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.